

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ПЯТАЯ

**„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 г. — ЛЕНИНГРАД**

Усуна, Туракина, впоследствии жена Угедея и мать Гуюка, тогда как сын Даир-Усуна, брат жены Чингис-хана, Кулан, носил имя Джемаль-ходжа, т. е., по всей вероятности, был мусульманином. Не говорится, что младший брат Чингис-хана, Темуге-отчигин, „очень любил постройку и ведре, куда приходил, устраивал дворец, павильон и сад“ (слова Рашид-ад-дина), т. е. в большей степени, чем Чингис-хан, подчинился внешнему влиянию цивилизации. Не отмечаются те черты материальной культуры, которыми быт монголов XIII в. отличался от быта современных кочевников, в том числе гораздо более широкое употребление колесных повозок, о чем постоянно говорится и в „Сокровенном сказании“. Все это показывает, что и после книжки Б. Я. Владимирцова для историка Чингис-хана и его эпохи остается обширное поприще, но несколько не отражается на оценке самой книжки, значение которой определяется не тем, чего в ней нет, а тем, что в ней есть и что, как уже было сказано в начале рецензии, представляет несомненный шаг вперед по сравнению с тем, что было раньше.

В. Бартольд.

Июнь. 1924.

◆ *М. С. Андреев.* Вещие сны, насколько примет и детская игра „Сорока — ворона“ среди некоторых народов, главным образом Средней Азии. Известия Главного Средне-азиатского Музея. Выпуск II. Ташкент. 1923 г. 8°, 1—34 стр.; тираж 600.

В первом отделе (стр. 7—21) своей хорошо изданной книжки автор табellarно сопоставляет толкования 38 снов, т. е. предметов, виденных во сне. Предметы эти, замечу, М. С. Андреевым помещены без всякой системы, даже вне алфавитной последовательности (рыба, мясо, корова, человек, верблюд....).

На стр. 22 следовало бы добавить о большом распространении в Туркестане рукописных и печатных сонников. И тогда приводимое автором, столь удивительное, на первый взгляд, единство в толковании снов у различных, казалось бы, народов, как бухарские евреи, казанские татары, таджики, кашгарские сарты и др., нашло бы себе объяснение.

Напр., в Средней Азии пользуется широким распространением „Снотолкователь патриарха Иосифа, сына Иакова“ на среднеазиатск.-турецк. языке¹⁾, и просмотр этого Снотолкователя показал мне, что большинство объяснений снов, данных в статье М. С. Андреева, до буквальности повторяют объяснения печатного

Снотолкователя, см. особен. №№ 1 (= 90), 2 (= 91; сравн. 92 и 96), 5 (= 62—64), 6 (= 24, 73, 80), 7 (= 22, 23, 62), 8 (= 62), 11 (= 45—46), 14 (= 4, 5, 14—17), 25 (= 67, 68), 28 (= 89), 31 (= 28), 38 (= 13)²⁾.

Все те народы, которые упоминаются у М. С. Андреева, объединяются исламом; у турецких племен, которые не подвергались влиянию ислама, и толкования снов будут отличаться от туркестанских толкований³⁾.

В дополнение к игре „Сорока — ворона“ или „Сорока — ворона“ (стр. 28—34) мне хочется отметить, что присказка о среднем пальце — „пойдем воровать“ (у горных и равнинных таджиков, стр. 31 и 33) встречается еще у турецкого, теперь сильно омонголизировавшегося, народа хотонов⁴⁾ в С.-Зап. Монголии. На ряду с другими доводами, приведенными А. Н. Самойловичем в пользу связи хотонов с каракиргизами, и этот факт сходства в наименовании среднего пальца (в игре) у хотонов и таджиков, близких соседней каракиргизов, — не лишен интереса.

Ждем дальнейших выпусков „Известий“.

Сер. Малов.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

◆ Die Kunst der Hethiter. Mit einer Einleitung von Otto Weber. Orbis Pictus. Weltkunst-Buecherei, herausgegeben von Paul Westheim. Band 9. Verlag Ernst Wasmuth A. G. Berlin-s. a.—Искусство хеттов.

Одной из крупнейших проблем современного классического востоковедения несомненно является хеттский вопрос, ибо его окончательное разрешение должно пролить яркий свет на историческое про-

¹⁾ П. А. Поляков. Снотолкователь, приписываемый мусульманам ветхозаветному патриарху Иосифу. Джагатайский текст, русская транскрипция и рус. перевод. Под ред. Н. Ф. Катанова. Казань. 1901 г. (Отд. от. из Учен. Зап. Казан. Университета). Находящийся в Азиатском Музее в Ленинграде рукописный Сонник Иосифа из коллекции Н. Ф. Петровского (№ 23; 589 de) сильно отличается от этого казанск. издания.

²⁾ Первая цифра — по изданию М. С. Андреева, а цифры в скопках указывают на соч. П. А. Полякова.

³⁾ Образцы нар. литер. тюркск. племен, изд. В. В. Радловым. Тексты, собр. и перев. Н. Ф. Катановым. СПб. 1907, стр. 462—466 (переводы).

⁴⁾ Зап. Вост. Отд. Рус. Арх. Общества, т. XXIII, вып. III—IV (Б. Я. Владимирцов и А. Н. Самойлович. Турецкий народец хотоны), стр. 282.

шное всего Переднего Востока и объяснить многие темные места и лакуны в историческом развитии древнего Египта, Вавилона, Ассирии, Сирии, Митанни и Элама, находившихся в тесном общении с крупной хеттской державой, на Малоазиатском полуострове. Дешифровка хеттского иероглифического письма открыла перед нашим взором необозримое богатство письменных памятников, часть которых уже издана и даже переведена. Отсюда понятен тот напряженный интерес, с которым встречаются теперь каждую новую научную работу, посвященную этому вопросу. Краткий очерк Вебера, служащий вступительной статьей к интересному альбому репродукций с хеттских памятников, дает нам сжатый очерк всего того, что было достигнуто в области изучения хеттских культур вплоть до времени открытия хеттского письма. Конечно, Вебер затрагивает здесь лишь самые общие и существенные вопросы, давая в догматической форме без аргументов сдержанную и лаконичную характеристику хеттской культуры, одновременно опуская все лишние подробности. Его работа является удобным конспектом, тем самым не претендуя ни на полноту, ни на оригинальность. Главнейшие утверждения и положения Вебера заключаются в следующем.

Весь древне-восточный культурный мир был объединен тесными культурными нитями и взаимоотношениями, которые делали его сложным и многосоставным, но все же единым историческим комплексом. Древнейшим государственным организмом здесь следует считать сумерское царство Ура, возникновение которого относится к концу пятого тысячелетия до начала нашей эры. Затем на этот древний этнический слой налегло новое национальное и культурное образование, которое Вебер называет сумеризованными семитами, подразумевая под ними позднейших семитских вавилонян. Характерно отметить здесь, что ассирийцев Вебер считает отраслью великого хеттского племени, подвергшейся сильному вавилонскому влиянию. **Всему этому сложному вавилонскому конгломерату Вебер противопоставляет малоазиатскую державу хеттов, которая строилась на самобытном национальном и культурном базисе и только отчасти подверглась культурному влиянию Вавилона, постоянно ослаблявшемуся дальностью расстояния между южной Месопотамией и Малой Азией.**

Говоря об источниках хеттской истории, Вебер упоминает соответствующие библейские места (Бытия — гл. 10 и 23) и указывает на те многочисленные памятники, которые свидетельствуют о некогда

мощной хеттской культуре, и на те надписи, которые образуют свод хеттской письменности. Особенно много памятников было найдено в древней столице хеттов — Хатти, развалины которой были раскопаны близ современного местечка Богаз-Кей в Малой Азии. Там был найден богатейший государственный архив, сохранивший в себе до десяти тысяч памятников хеттской письменности. Все они в значительной степени, так же, как и вещественные памятники, отражают сильное вавилонское влияние, проникавшее постепенно и неуклонно в горную малоазиатскую страну. Однако, по словам Вебера, это наступательное движение вавилонян на Малую Азию вызвало вско-ре мощный отпор хеттов, обратной волной ринувшихся на высоко-культурные области северной Сирии и Междуречья, дойдя в своем порыве даже до отдаленного Элама. Результатом этого хеттского набега, по Веберу, было свержение в 1921 году династии Хаммураби, царствовавшей в Вавилоне, и укрепление там коссеев, владычество которых продолжалось в Вавилоне в течение 600 лет. Дальнейшими крупными этапами в эволюции хеттского могущества на Переднем Востоке Вебер считает мирный договор, заключенный между египетским фараоном Рамзесом II и хеттским царем Субилуиумом и, наконец, победу митаннийцев над хеттами в 1200 году.

Переходя к вопросу о вещественных памятниках хеттской культуры, Вебер указывает на главнейшие места находок этих памятников. Внимательное изучение памятников заставляет предполагать в хеттской национальности сложный этнический и культурный состав, который в грубых чертах можно охарактеризовать, как соединение туземного чисто хеттского племени с народом-завоевателем, пришедшим с западных берегов Малой Азии, в котором Вебер хочет видеть отрасль великой индо-германской расы. В следующих словах характеризует автор это древнейшее в истории индо-германское завоевание:

„Индо-германский культурный слой проник в Малую Азию из Европы через морские теснины, захватил древние насыщенные места туземных хеттских племен, остался в стране в качестве господствующего сословия и к середине второго тысячелетия привел всю хеттскую Малую Азию к могущественному политическому единству. Индо-германцы наложили свой отпечаток на архитектурные сооружения и памятники искусства, которые они создали к тому времени в городе Хатти, а их язык стал не только государственным, но и литературным языком“ (стр. 10).

Но не следует думать, тут же прибавляет Вебер, что Хатти является чисто индо-германским городом. Хатти существовал и до завоевания в качестве маленького хеттского города. Все же крупные постройки принадлежат, по мнению автора, индо-германцам.

Останавливаясь несколько подробнее на хеттском искусстве, Вебер отмечает между прочим, что главные моменты хеттской архитектуры: тип привратных построек (*Toranlagen*) с гигантскими фигурами зверей, гениев-хранителей, и затем скульптурный фасад зданий—перешли от хеттов к ассирийцам и тем наложили свой оригинальный отпечаток на все ассирийское искусство.

Главной отличительной чертой хеттского искусства автор считает его утилитарный прикладной характер, преобладание в нем ремесленных произведений, тупую связанность в передаче оригинала и отсутствие яркого индивидуального творчества. Особенно беспомощен хеттский художник в изображении человека, человеческого тела и лица, находясь в полном рабстве у издавна установленного канона. Зато гораздо свободнее, с большим техническим мастерством воспроизводит он фигуру животного, проявляя здесь большую близость и любовь к природе, умение точно и выразительно передать натуру, а также и значительную долю фантастики, творя изображения невиданных, диковинных зверей. По мнению автора, эти фантастические звери изображены у хеттских художников гораздо рельефнее и живее, чем аналогичные животные у древних египтян. Относительно декоративного искусства автор отмечает отсутствие у хеттов линейного орнамента, но зато богатство скульптурного и, прибавим от себя, — округлого орнамента. Наконец, в заключение своего очерка Вебер указывает на яркую и живую предметность и сильный реализм хеттского искусства, которое отражает своеобразную душу горного племени, вышедшего из глубин Малой Азии на широкую арену переднеазиатского культурного мира.

В. Авдиев.

♦ *Dywan Wschodni. Wybór arcydzieł literatury egipskiej, asyru - babilońskiej, hebrajskiej, arabskiej, perskiej i indyjskiej. Ułożył Antoni Lange. Warszawa-Kraków MCMXXI. Towarzystwo Wydawnicze w Warszawie. VIII + 395.*

Общий интерес к Востоку, к его литературе и искусству не мог не обнаружиться и в возродившейся к самостоятельной жизни Польше. Правительственные инстанции и общественные организации стремятся восстановить старые и за-

вязать новые культурные и экономические связи с Востоком. Настоящая книга задумана была с целью ознакомить самые широкие читающие массы с кладзем восточной поэзии. Составитель сборника Антон Ланге — польский поэт, давно интересующийся Востоком и обогативший польскую поэзию недурными переводами с санскрита (отрывки из индийского эпоса: *Наль* и *Дамайти*, *Савитри*). Самостоятельных переводов с восточных языков в сборнике мало; по преимуществу это переводы с европейских языков; но есть и мастерские переводы старых польских поэтов; сюда же включено и несколько подражаний восточным мотивам (*Мицкевича*). Все это не в достаточной мере разграничено. И как это всегда бывает с переводами не с оригинала, передача восточных имен — исковеркана. Объяснительные примечания составителя сборника к тексту не всегда удовлетворительны. К достоинствам переводов относится хороший польский язык. Большинство переводов принадлежит самому составителю сборника (между прочим, весь египетский и ассириовавилонский отделы). Составителем включены в сборник переводы польских поэтов — Яна Кохановского, Уейского, Бродзинского, Машевского, Янковского (с еврейского), Красицкого, Мицкевича (с арабского), Ходзько, Потоцкого, Шуйского (с персидского). Наиболее оригинальными являются: санскритский отдел, в котором помещены переводы Михальского (квалифицированного переводчика, известного своими вполне удовлетворительными переводами *Бхагавад-Гиты* и др.), Кветневского и самого А. Ланге. Рассчитанный на широкие круги читателей, сборник с внешней стороны издан весьма скромно.

А. Ф.

♦ *Johnson, Edwin Lee Ph. D. Historical Grammar of the Ancient Persian Language. New York. 1917. (The Vanderbilt Oriental Series), 251 стр. 8° min. Джонсон. Историческая грамматика древне-персидского языка.*

Автор рецензируемой исторической грамматики древне-персидского языка — ученик Тольмана, заслуженного в этой области ученого, к книге которого — изданию клинообразных древне-персидских надписей — им составлен полный указатель слов. Американская образовательная школа иранистов, давшая ряд выдающихся ученых, в роде Джексона, Грея, может с удовлетворением признать и эту работу плодом своего посева.

Книга не изобилует оригинальными мыслями, и в этом смысле она не выдер-